

Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция

Чимиза К. Ламажаа

Независимый исследователь, Российская Федерация

В статье представлен методологический путь для междисциплинарного исследования этнической культуры, названный путем концептуализации этнокультуры. Он ориентирован на дискурс западной культурной антропологии, но основан на российской тезаурусной концепции субъектного знания и рассматривает как методологическое средство понятие «концепт культуры».

Несмотря на активное использование российскими учеными понятия «концепт», в частности «концепт культуры», в исследованиях отмечается лингвокультурологический «перекосяк». Он имеет свои недостатки, связанные с филологической специализацией большинства исследований данной отрасли.

Путь концептуализации этнокультуры предполагает исходить не из дисциплинарных особенностей исследователей, что «дробит» культуру на отдельные ракурсы. Предлагается ставить в центр внимания культуру и изучать ее силами специалистов разных научных областей.

Суть культуры усматривается прежде всего в смысловом поле — тезаурусе, сокровищнице знаний. Ее важнейшие элементы — концепты культуры. Они имеют богатство форм, в том числе словоформ, и диалектически связываются с человеческой активностью (будучи ее результатом и в свою очередь определяющие ее), а также с вещами, материальными объектами, которые воплощают в себе результаты осмысления человеком-создателем этих идей. Все эти аспекты концептов можно реконструировать в трех ипостасях: «форма», «идея», «социальная регуляция».

Особенности реконструкции показаны на примере изучения конкретной этнической культуры — тувинской.

Ключевые слова: концепт культуры; методология изучения культуры; лингвокультурология; российская культурология; российская наука; этническая культура; концептосфера; тувинская культура

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К. Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 6-25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь, Российская Федерация. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Independent Researcher, Russian Federation. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

ASPECTS OF CULTURE

Article

Concepts of Culture: Form, idea, social regulation

Chimiza K. Lamazhaa*Independent researcher, Russian Federation*

The article presents a methodological way for interdisciplinary research on ethnic culture. It is called the way of conceptualization of ethnoculture. It focuses on the discourse of Western cultural anthropology, but is based on the Russian thesaurus conception of subjective knowledge and considers the term “concept of culture” as a methodological tool.

Despite the active use of the term of concept (in particular, “concept of culture”) by Russian scholars, the studies note a linguistic and cultural “imbalance”. It has its downsides related to the philological character of most studies in this field.

The way of conceptualization of ethnoculture suggests proceeding not from researchers’ disciplinary characteristics that “split” culture into separate perspectives. It is proposed to focus on culture that specialists in different academic fields should study.

The essence of culture appears primarily in the semantic field — the thesaurus or the treasury of knowledge. Its most important elements are concepts of culture. They have an abundance of forms, including word forms, and are dialectically associated with human activity (being its result and, in turn, determining it), as well as with things and material objects that embody the results of comprehension of these ideas by a person who has created them. All these aspects of concepts can be reconstructed in three hypostases: “form”, “idea”, and “social regulation”.

The features of this reconstruction are shown by the example of studying a specific ethnic culture — Tuvan.

Keywords: concept of culture; methodology of studying culture; linguoculturology; Russian culturology; Russian science; ethnic culture; conceptsphere; Tuvan culture

For citation:

Lamazhaa Ch. K. Concepts of Culture: Form, idea, social regulation [Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 6-25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Введение

Как писал в свое время Л. Уайт, некоторым исследователям нравится определять культуру только в терминах идей. Он подчеркивал, что культура действительно состоит из идей, но частично; ведь помимо них отношения, действия и объекты — это тоже культура (White, 1959: 236–237). Несмотря на то, что эти слова из статьи, которая была опубликована более 60 лет назад, данное замечание, на наш взгляд, не потеряло своей актуальности.

Теоретические основания исследования культур, так же как и соответствующие им подходы к изучению отдельных культур, сравнения между культурами — остаются актуальными для гуманитарного знания. И обсуждения этих проблем не прекращаются не только в силу развития самого научного знания, влияния на него самых разных факторов, но и ввиду сложности самого объекта — культуры. Ее ученые понимали и продолжают трактовать самым разным образом, опираясь на разный понятийный аппарат, который соответствует определенным дисциплинарным направлениям, выбранным методологическим подходам.

И помимо всего прочего специализация в науке, дисциплинарная принадлежность и соответствующие ей методологические ограничения стали новым фактором «расщепления» культуры в анализе, рассмотрении ее порой только с одной стороны. Например, если мы говорим о российском

научном поле, достаточно сильно обособленном от мировых дискурсов, то в публикациях, например, о концептах культуры, которые распространились в последние годы¹, очень заметны стремления авторов развивать проблематику в плоскости своих отдельных дисциплин. Это заметно ограничивает рамки работы, сужает представление о культуре. Так, представители лингвокультурологии, чаще всех обсуждающие концепты культур, пишут о концептах как когнитивной базе культуры, практически изучая отражение культурных знаний в языке, то есть ограничиваясь сферой идей, а если еще точнее, то — темой отражения идей в языке.

И именно проблема пропавшего общего поля исследования культур побуждает говорить о необходимости, важности междисциплинарных конкретных исследований филологов, культурологов, этнологов, антропологов, социологов и пр. Разумеется, общий теоретико-методологический подход, единая концепция в этом смысле — вряд ли достижимый идеал, но тем не менее, поскольку мы имеем один общий объект исследования — культуру, стремиться к этому необходимо. Я считаю перспективным для разноаспектного исследования культур опираться на идею концептов, широко распространенную в «родном» ареале использования, в зарубежной науке, где обсуждаются *concepts* как понятия, идеи, образы или как концепции самой культуры. Тем самым я обращаюсь к культуре как содержательному аспекту социальной жизни, одновременно рассматривая не только идеи и их воплощение во взаимодействии между людьми, но и их материализацию в объективированных формах. Речь идет не только о концептосфере, но и о том, как концептосфера находит свое выражение в социокультурных практиках, как связана с ней.

В данной статье я представлю сформированный мною и моими коллегами² методологический путь для междисциплинарного исследования этнической культуры, который мы в целом назвали путем **концептуализации этнокультуры**. Он ориентирован на дискурс западной культурной антропологии, но тем не менее основан на российской тезаурусной концепции субъектного знания (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013), в свою очередь впитавшую много идей российских филологов и культурологов. И наше решение позволит объединить работу дисциплинарно разобщенных российских специалистов, например филологов, этнологов, культурологов, искусствоведов и пр., как это мы уже показали в ряде своих публикаций (Кужугет и др., 2019; Ламажаа, Майны, 2020; Дагылга: тувинские ... , 2021; Майны, Ламажаа, 2022; Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022; Тувинцы. Родные ... , 2022; Өвүс. Возвращение ... , 2022; и др.³). Это дает объемное представление о культуре с охватом и сферы идей, и сферы социального взаимодействия, и результатов созидательной деятельности. При этом, подчеркну, что основным объектом нашего внимания является этническая культура, имеющая свой язык, а также культурные проявления жизни этноса, которые считаются присущими ему.

Основным методологическим средством для комплексного, междисциплинарного исследования культуры мы рассматриваем понятие «концепт культуры». Поэтому цель данной статьи будет в обосновании данного ключевого понятия в дискурсе российской науки с учетом ее сложившихся особенностей. В анализе я опираюсь на публикации ученых о концептах культуры и на результаты работ моих и моих коллег по изучению тувинской этнической культуры в 2019–2022 гг., изложенных в вышеупомянутых публикациях.

Концепты в российском гуманитарном знании

Тема концептов культуры, вошедшая в российский научный дискурс вслед за исследованиями концептов в англоязычных науках, стала важным направлением в российской филологической науке, прежде всего в лингвокультурологии.

Начало лингвокультурологических разработок восходит к рубежу 1960–1970-х гг. (Телия, 1996; Степанов, 2004, 2007; Арутюнова, 1999; Логический анализ ... , 1991; Маслова, 2001; Воробьев, 2006; Лингвокультурный концепт ... , 2007; Жизненное пространство ... , 2021; и др.). Как пишет В. А. Маслова,

¹ На 05.01.2023 г., например, в каталоге Научной электронной библиотеки (elibrary.ru) насчитывалось около 17 тыс. публикаций, обсуждающих проблематику концептов культуры, большинство из которых лингвистические.

² Соответственно, когда речь идет о наших общих усилиях, я использую местоимение «мы». Когда же я говорю о своем мнении, то пишу от первого лица.

³ Общая концепция проекта, данные участников и списки публикаций есть на сайте лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ: <https://ethnolab.tuvsu.ru/> (дата обращения: 05.01.2023).

сама дисциплина оформилась вследствие того, что «в воздухе носилась» идея — идея изучения культуры через язык (Маслова, 2001: 27). В целом автор определяет ее следующим образом: «Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» (там же: 8). Другое определение отрасли: это «целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых в языке, контрастивный анализ лингвокультурологических сфер разных языков...» (Воробьев, 2006: 4).

Несмотря на то, что в рамках работы лингвокультурологии выходили и выходят теоретические работы, поднимающие вопросы общей культурологии и функционального пространства лингвокультуры (Логический анализ ... , 1991; Алефиренко, 2016), в силу того, что лингвокультурология развивается филологами, дисциплина остается по большей части не столько культурологией, связанной с языкознанием, сколько культурной лингвистикой, или просто отраслью лингвистики, как в итоге считают и сами филологи, следующие по пути своих предшественников¹. Это приводит к обсуждениям о том, возможно ли лингвокультурологию рассматривать как самостоятельную дисциплину или ту, которая может решать культурологические проблемы (Лучинина, 2004; Павлова, 2015; Филиппов, 2018).

Представители лингвокультурологии работают преимущественно с фольклором, с текстами классической литературы, «однако, — как пишет Е. Н. Лучинина, — изучение взаимосвязи языка и культуры исключительно на основании словарных единиц и текстов вряд ли поможет составить его адекватную картину, поэтому продуктивным для развития лингвокультурологии направлением может стать обращение к анализу дискурса» (Лучинина, 2004: 242). А. В. Павлова видит слабость дисциплины в том, что она рассматривает направление связи между языком и культурными особенностями не так, как они формируются в реальной жизни (сначала формируются первоначальные знания, которые и выражаются в языке, см. Павлова, 2015: 201–202). Ю. В. Филиппов отмечает недостатки позиционирования лингвокультурологии, в том числе «междисциплинарный» характер, «пограничное» положение и пр., что не может соответствовать статусу научной дисциплины (только конкретного исследования) (Филиппов, 2018: 15).

Безусловно узкая специализация имеет свои особенности, в том числе позволяет углубленно исследовать определенные предметы, ракурсы. Кроме того, изучение языковых терминов как понятий самой культуры мы считаем действительно важной частью постижения смыслового «поля» культуры в гумбольдтовском смысле (Гумбольдт, 1985), на чем остановимся далее. Тем не менее также хотелось бы обратить внимание коллег на ряд проблемных вопросов, которые возникают, если за специализацией недостаточно учитывать широкий контекст изучаемого объекта.

Посмотрим это на примере недавнего труда в области лингвокультурологии, который нас заинтересовал в том числе благодаря охвату исследуемой нами тувинской лингвокультуры. В конце 2022 г. в издательстве Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук вышла коллективная монография большой группы филологов «Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири» под редакцией Н. Б. Кошкаревой, Е. В. Тюттешева (Новосибирск: Академиздат, 2021²). Данная работа, как отмечено на оборотном титульном листе, стала итогом работы коллектива по проекту «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык», финансируемым грантом Правительства РФ. И в соответствии с общей проблематикой проекта, сформулированной в его названии, исследователи сосредоточились на выявлении концептов языковой картины мира народов Сибири как концептов универсального характера, присущих любой культуре мира, но разумеется выражающих этнокультурные особенности.

В издании, над которым трудились одиннадцать авторов³, представлен значительный итог многолетних исследований языкового материала десяти урало-алтайских языков: древнетюркского, современных тюркских языков (алтайский, чалканский, хакасский, шорский, тувинский, якутский,

¹ Малхазова М. И. Лингвокультурология как самостоятельное направление лингвистики // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 39. С. 134–142; Белозерова А. В., Локтионова Н. М. Лингвокультурология как лингвистическая дисциплина // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7681> (дата обращения: 05.01.2023).

² По выходным данным это издание 2021 г., но фактически в свет издание вышло в конце 2022 г.

³ Е. В. Тюттешева, А. В. Байыр-оол, А. А. Озонова, О. Ю. Шагдурова, А. Р. Тазранова, Н. Н. Федина, Н. Б. Кошкарева, И. А. Невская, И. В. Шенцова, В. А. Горбунова, Я. В. Стручкова.

барабинско-татарский), одного тунгусо-маньчжурского (ульчский) и одного угорского (хантыйский). Опираясь на лексикографические, этнографические, фольклорные источники, тексты художественной литературы, а также привлекая результаты своих полевых исследований, филологи проанализировали нескольких ключевых понятий соответствующих культур.

Исследовательское поле, понятийный аппарат, языки, источники работы — все это вызывает большой интерес к изданию. В целом, его можно назвать одним из заметных событий в российской лингвокультурологии, а тем более — в областях научного знания, направленных на изучение соответствующих этнических культур. Я полагаю, что исследователям культур Сибири работа будет безусловно интересна и полезна, поскольку авторы подняли большое число источников для того, чтобы обобщить универсальные и своеобразные трактовки понимания того, что есть «жизнь», «смерть», «родная земля», «душа» в языках сибирского региона.

Однако, в свете волнующей нас цели междисциплинарного анализа этнических культур я замечаю здесь типичные проблемы лингвокультурологии.

Первая проблема. Название грантового проекта, вынесенное в титул издания, сразу указывает на общую направленность этого исследования — выявление и анализ универсальных категорий культуры, о которых еще в свое время писал А. Я. Гуревич (Гуревич, 1972, 1984), формулируя свой методологический подход и применяя его сразу к изучению ментальности людей средневекового Запада. Он считал: «чтобы понять жизнь, поведение и культуру людей средних веков, важно было бы попытаться восстановить присущие им представления и ценности. Нужно выявить “привычки сознания” этих людей, способ оценки ими действительности, особенности их видения мира» (Гуревич, 1984: 24). И полагал, что для этого

«следовало бы пойти по пути обнаружения основных универсальных категорий культуры, без которых она невозможна, которыми она пронизана во всех своих творениях. Это вместе с тем и определяющие категории человеческого сознания. Мы имеем в виду такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, сверхчувственное, отношение частей к целому. ... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода “модель мира” — ту “сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (там же: 25).

Подход А. Я. Гуревича был очень популярен в 1980–1990-е гг., имел множество последователей, в том числе среди тех, кто изучал категории культур Сибири (см. обзор данных работ: Ламажаа, 2020: 206–207). И кажется несколько удивительным, что последователи данной традиции, которыми очевидно являются авторы данного труда, совсем не упоминают одного из виднейших культурологов страны. Я уже не буду углубляться в тот факт, что сам А. Я. Гуревич являлся последователем французской школы Анналов, впервые в европейской исторической науке показавших плодотворность исследовательского внимания не только к официальной истории, но и к истории повседневности.

Но даже если не обращать особого внимания на эту деталь (у каждой отрасли свои авторитеты), можно отметить проблему применения понятий.

В монографии авторы сразу начинают постановку проблемы с обоснования универсальности культурного содержания как актуальной задачи поиска «надкультурного» единства человечества (Жизненное пространство ... , 2021: 3) и трактовки каждого концепта языка как выразителя этнокультурных представлений начинают с обсуждения того общего, что есть у сибирских языков с русским. Тем самым очевидно, что перед авторами главной является задача выявления языковых универсалий, тем более, что названы они не терминами соответствующих языков, а именно языком той культуры, с которой они сопоставляются — русским языком, который одновременно является для авторов языком национальной (государственной) науки: «жизнь», «смерть», «родная земля (родина)», «душа».

Авторы ссылаются на определение известного лингвиста А. Вежбицки (Вежбицкой) о том, что такое лингвистические универсалии (Жизненное пространство ... , 2021: 3). Но при этом они явно упустили из виду, что сами концепты правильнее называть именно на том языке, на котором они звучат для носителей культуры. Не случайно именно так они приводятся в русскоязычном издании труда А. Вежбицки: «Например, предполагалось, что концепты ‘someone’, ‘something’ и ‘want’, неопределяемые в английском, окажутся неопределяемыми и в других языках и что в других языках тоже найдутся слова (или связанные морфемы) для выражения этих концептов» (Вежбицкая, 2011: 19). И в таком случае очевидно уважаемым авторам рассматриваемой монографии следовало бы обсуждать «жизнь»,

«смерть», «родная земля», «душа» не как концепты культур, а как научные категории, различая их от концептов культуры, о чем собственно пишет сама А. Вежбицка. Приведу в качестве примера цитату из ее оригинального труда на английском языке: ... «The scientific category *Mus musculus* does not correspond to the folk categorization reflected in the concept 'mous'...» (Wierzbicka, 1996: 343) («Научная категория *Mus musculus* (лат. назв. домашней мыши. — Ч. Л.) не соответствует народной классификации, отраженной в концепте 'mous' ('мышь'. — Ч. Л.)»¹).

А. Вежбицки подчеркивает, что *речь идет о различиях между научным знанием и культурным, выраженными в разных типах понятий* (там же: 349). О том, что это два типа анализа, писалось еще российскими филологами в рамках школы Н. Д. Арутюновой (см.: Никитина, 1991).

Вторая проблема. Я не считаю, что лингвокультурологическое внимание к языковому материалу письменных источников должно вызывать серьезные возражения, которые высказывают критики направления. Реконструкция картины мира, мировоззрения, менталитета может опираться на разные источники, а язык — самый важный из них. И если фольклористы «заточены» на изучение текстов фольклора (зафиксированного в текстовом виде, в том числе после расшифровки записей того, что дают носители фольклора), лингвисты — текстов словарей, произведений литературы, то сложно призывать их еще собирать и современный общественный дискурс, тем более, что они просто не подготовлены для этого (хотя готовые тексты СМИ, например, было бы возможно исследовать...). Если же исследователи сами осознают, что обсуждают только один аспект культуры, например картину мира в определенную историческую эпоху, которая восстанавливается только по письменным источникам, а не всю культуру, то это нормальное рациональное ограничение исследовательского поля.

Другое дело — какой именно языковой материал рассматривается в качестве источников. С этим связана третья проблема исторической динамики культуры, которая нередко упускается филологами. В монографии «Жизненное пространство...», с одной стороны удивительным, а с другой — не удивительным (поскольку это типичная проблема лингвокультурологии) выглядит максимально широкий охват источников без различения исторических периодов. Авторы изучили и проанализировали материалы «современных тюркских языков», как они пишут, на «всех доступных лексикографических, этнографических, фольклорных источниках, художественной литературе, результатах полевых исследований, проведенных самими авторами» (Жизненное пространство ... , 2021: 5). Охвачены были самые разные словари (в том числе даже древнетюркский, для того, чтобы проследить этимологию терминов, поднять ранние лексические значения), корпуса фольклорных текстов, художественная литература, публицистика, научно-учебная литература. Очевидно, что эти источники демонстрируют картину мира культуры разных исторических времен, но почему-то авторы видят здесь только «древность» и «современность»: древнетюркскую терминологию и терминологию «современных» тюркских языков. В лингвокультурологических работах порой и вовсе весь языковой материал анализируется как единая концептосфера, которая сложилась на протяжении длительного времени (веками) и рассматривается сегодня как данность (Есенова, 2012: 4).

Такое представление о лингвокультуре, на мой взгляд, упускает сам процесс динамики, вариативности, постоянной изменчивости языка и культуры, для которых, например, даже один век, например, XX в., может оказаться довольно сильным фактором.

Подобную слабую позицию А. В. Павлова, ссылаясь на критическую публикацию польских авторов А. Киклевича и М. Вильчевски о другой лингвокультурологической монографии (Kiklewicz, Wilczewski, 2011), называет принципиальным внеисторизмом, когда «культура в ней предстает как вечная и неизменная» (Павлова, 2015: 203).

Теперь от лингвокультурологии обратимся к культурологическим, а также этнологическим работам в российской науке.

Здесь отмечается очень малая востребованность понятия «концепт». Это связано с общими особенностями развития русскоязычной науки. Как писал В. З. Демьянков, специально исследовавший вопрос хождения термина «концепт» в разных языковых ареалах, «в русской художественной и научной литературе часто встречаем прилагательное концептуальный, но исключительно редко — существительное концепт» (Демьянков, 2007: 615).

¹Перевод наш. — Авт.

Также можно добавить, что в большинстве случаев для культурологов очевидно тема терминологии самой культуры автоматически относится к «народному знанию», ей уделяется место лишь как к раз- делу фольклора, части духовной культуры, «надстройке». Соответственно исследователи старшего поколения, ставшие специалистами в советские годы, пишут и до сих пор издают, переиздают те- оретические труды по культурологии, в которых в большинстве случаев нет термина «концепт».

Культурологами, философами концепты в последнее время обсуждаются скорее как научные по- нятия. Например, в 2017 г. под эгидой МГИМО начал выходить научный журнал «Концепт: философия, религия, культура», который, по мысли Ю. П. Вяземского, может заключать трактовку «концепта» как понимания в общем смысле слова, направленного на установление диалога между культурами, специалистами¹. Выходят публикации о «культур-философских» концептах, концептах картины мира и пр. (Вереитинова, 2015; Перевозникова, 2019; и др.).

В этнологической литературе пока встречаются лишь единичные публикации, демонстрирующие антропологические подходы к основным идеям культуры как к концептам или концепциям (напр., Содномпилова, 2007; Морозов, Ткачук, 2019; Кабицкий, Рудник, 2020).

Тем самым я хотела подчеркнуть неудовлетворенность от тех направлений дискурсов, в которых сегодня бытует понятие «концепт культуры» в российской науке о культуре.

Культура как исследовательское поле

Намерение говорить о концептах, как неких составных элементах, репрезентантах культуры бе- зусловно побуждает сначала обозначить понимание того, что есть культура, как ее можно изучать в целом. Несмотря на большую историю изучения культуры, огромное число работ о культуре в науке, единого понимания учеными не достигнуто. Но, как уже было сказано, это не результат разобщенно- сти научного мира и слабости познавательных схем, а результат сложности самой культуры, которую ученые прежде всего считают неким экстрасоматическим (внеорганизменным) или надбиологическим явлением.

Обосновывая свою концепцию, например, Л. Уайт писал, что «когда вещи и события, зависящие от символизации, рассматриваются и интерпретируются в экстрасоматическом контексте, то есть в терминах их взаимоотношений друг с другом, а не с человеческими организмами, мы можем назвать их культурой» (White, 1959: 231). Свою позицию он пояснял тем, что психические явления и процессы, в том числе поведение человека и пр., являются предметами изучения психологии, но есть иные — культурные явления и процессы, которые психология не в силах трактовать. Оппоненты Уайта А. Крёбер и К. Клакхон считали, что «культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а с другой — как ее регуляторы» (Kroeber, Kluckhohn, 1952: 181).

Из наиболее известных подобных определений в российской науке известно мнение академика В. С. Степина. Он называет культурой «систему исторически развивающихся надбиологических про- грамм человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» (Степин, 2011: 43).

В этих определениях можно отметить две общие характеристики, которые широко распространи- лись в научном знании. Первое: культура — явление, присущее только человеку (хотя, надо огово- риться, что в последние годы появились и исследования культуры животных, определяющейся как способность животных, не являющихся людьми, усваивать и передавать поведение посредством процессов социального или культурного обучения, см.: Whiten, 2021). Второе: культура обнаруживается именно в содержательном, смысловом поле. Так, Л. Уайт средоточием культуры назвал три сферы: 1) концепции, верования, эмоции, установки; 2) процессы социального взаимодействия между людьми; 3) контент материальных объектов, созданных, используемых в культуре (White, 1959: 235). А. Крёбер и К. Клакхон полагают, что «культура состоит из паттернов, эксплицитных и имплицитных, поведения, осваиваемого и передаваемого при помощи символов; представляя собой отличительные достижения человеческих групп, в том числе их воплощения в артефактах. Сущностное ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся и акцентированные) идеи, особенно те,

¹ Вяземский Ю. П. Вступительное слово главного редактора // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1. С. 7–8.

которым приписывается особая ценность» (Kroeber, Kluckhohn, 1952: 181). В. С. Степин также пишет о программах культуры как о «многообразии знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей и ценностных ориентаций и т. д.» (Степин, 2011: 43).

То есть суть культуры усматривается прежде всего в идеях (в общем смысле этого слова), выраженных в разных формах, отражающихся в человеческой активности (в деятельности, поведении, общении, по Степину, см.: там же: 37), а также в результатах деятельности человека. И принимая во внимание такое расширенное понимание культуры, мы выбираем для исследования не только сами идеи, но и язык, символы, образы, области социальных отношений, связей, деятельность людей, их поведение, общение, артефакты культуры. Это общее широкое исследовательское поле для представителей практических всех гуманитарных и социальных дисциплин.

Все это смысловое поле культуры (в разных трактовках: картину мира, систему взглядов, мировоззрение культуры) можно рассматривать как как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх того также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира (Луков В., Луков В., 2008: 67). Это общее определение тезауруса (от древнегреч. *thésaurós* — ‘сокровище’, ‘сокровищница’) культуру, ее сокровищницы смыслов, обсуждаемый в тезаурусной концепции Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013).

Знания каждой культуры безусловно имеют много универсальных категорий и смыслов, которые и позволяют говорить об общности и родстве культур. Однако, для нас важно то, что в самой тезаурусной концепции заложено подчеркивание субъектности — понимание своеобразного, важного для самих людей культуры, сформулированного на языке этой культуры, структурированного в виде концептов (базовых элементов) в таком виде, в каком человек этой культуры проходит путь инкультурации (в другом написании — энкультурации).

Этот термин американского антрополога М. Херсковица *enculturation* (Herskovits, 1948) упомянут не случайно. Подобное рассмотрение культуры соотносится с принципом культурного релятивизма, восходящим к идеям Ф. Боаса, разделяющимся другими авторитетными антропологами и развитым Х. Херсковицем. Он сформулировал его следующим образом: «Суждения основаны на опыте, а опыт интерпретируется каждым индивидуумом в терминах его собственной инкультурации» (Herskovits, 1972: 15).

Признание разнообразия суждений, культурных ценностей, культурных отличий, в том числе и права представителей самих этнических культур исследовать свои культуры с точки зрения самооценности культуры, также, как и уважение к этому праву — это та колоссальная проблема, которая сегодня присутствует в российской гуманитарной науке. Поясню, в чем она выражается.

На мой взгляд, в российской культурологии, в этнологических и лингвокультурологических исследованиях поле изучения универсалий стало превалировать (см.: Ламажаа, 2020) также, как в свое время в западной антропологии преобладала «евроцентричность», которая в том числе благодаря работам культурных релятивистов и была признана непродуктивной. Нельзя не заметить и «государственного» подхода с ассиметричным определением культур сообществ и народов в России, как «региональных» (Горлова и др., 2022: 14). И такая регионализация видится авторам подобных работ результатом не столько районирования в рамках культурных ареалов мира, сколько территориально-административного деления одного мультикультурного государства — России (там же: 13–14).

Совершенно типичным местом в дискурсе российской науки стало принятие исследований культур отдельных этносов не только в контексте участия культуры в «государственной культуре», но и с точки зрения типичности культур, универсальности и схожести черт с другими культурами (что в этом случае становится причиной отсутствия интереса к «локальным» исследованиям). Наличие ученых-инсайдеров, изучающих культуру собственного этноса, замалчивается, как и особенности их исследовательского положения и возможностей. И это, несмотря на то, что практически во всех республиках России есть научные центры, большая часть кадров которые по этнической идентификации являются представителями коренных этносов. И изучают они естественно культуру своего этноса, позволяя региональной науке сохранять благодаря этому «свою роль в качестве важнейшего института культуры» (Аблажей, 2022: 13). Однако, их работа, в связи с инерцией восприятия столичных коллег считается скорее работой преимущественно «фольклорной» и по большому счету «местячковой».

Один из ведущих российских культурологов, составителей энциклопедии социокультурной антропологии 2012 г. (Социокультурная антропология ..., 2012) Ю. М. Резник считает, что «одно из важных качеств антропологического подхода как методологии исследования человека и его культуры — это взгляд с позиции иного» (Резник, 2012: 7). И несмотря на то, что он предлагает исследователю-антропологу стараться «отойти от жесткой и в чем-то односторонней позиции наблюдателя и принять позицию наблюдаемых как наиболее полную и адекватную условиям окружающей социокультурной среды» (там же), тем не менее речи о том, что антрополог может быть сам и субъектом культуры, и ее наблюдателем — даже нет. Данное мнение продолжает опираться на анахроническое представление о том, что, как пишет Ю. М. Резник, субъект исследования — это антрополог, а объект исследования — «туземцы», даже несмотря на то, что в качестве изучаемых могут быть не только местное население, но и члены промышленной организации, иммигранты и даже сами ученые (там же).

Если говорить об отношении отечественных этнологов к самой возможности ученых — представителей этносов — изучать культуру собственных этносов, выстраивая собственную методологию и обсуждая свою культуру как самобытную, то здесь отмечается не только молчаливое непризнание, но и даже отрицание. Согласно такому мнению, проекты исследователей из числа самих этносов, направленные на изучение культур с позиции инсайдеров, как представителей индигенного знания можно считать фактически «вызовом», как «попытку узурпации права на интерпретацию культуры аборигенными сообществами — якобы носителями неких архетипов, исключительными «собственниками» индигенных культурных брендов, обладателями свидетельств-патентов на статус «живого культурного наследия»» (Тишков, 2020: 89).

Справедливости ради, надо сказать, что есть голоса и в поддержку перспективы многоголосия, разнообразия самих антропологий: «Если другие культуры описывать как «другие антропологии» (поскольку любая культура — это интерпретация актуального для нее мира), то нам, антропологам, может быть полезно знакомство с альтернативными перспективами и применение практик знания, присущих этим антропологиям» (Баранов, 2021: 90). Но такое мнение высказывают единицы.

Все это определяет актуальность как изменения отношения к изучению отдельно взятых культур в поле российской науки, так и поиска новых теоретико-методологических путей для этого. Наука России стремилась всегда иметь свое место в мировой науке, но тем не менее развивалась, во многом обогащаясь западным опытом. И, учитывая это, коллегам следует признать право исследователей, в том числе инсайдеров, на изучение своей культуры не как части российской, а как самоценной, как сокровищницы знаний. И я утверждаю, что культура каждого этноса, проживающего в России, может и должна соотноситься в научных исследованиях не только с государственной культурой, но со своим культурным ареалом (см.: Ламажаа, 2021b), который может и не соответствовать государственными границами страны. Этот ракурс сегодня изучается культурной географией, но, к сожалению, в значительном отрыве от культурологии (см.: Уваров, 2011).

Я предлагаю изучать культуру, не исходя из дисциплинарных особенностей, что не только «дробит» культуру на отдельные ракурсы, но и обуславливает дальнейший отрыв дисциплин друг от друга (а порой и полное непризнание вклада в общее дело представителей разных научных отраслей). Я исхожу из того, что в центре внимания должна быть сама культура. Это понимание позволяет переступить через дисциплинарные рамки и сотрудничать представителям разных отраслей, используя общую терминологию, признавая подходы и методы друг друга.

Концепт культуры: форма, идея, социальная регуляция

Исследования концептов культуры в англоязычной науке имеют давнюю традицию, восходящую и к традициям хождения термина в «родном» — романском — языковом ареале (латынь, испанский, французский, итальянский языки) с истоком в латыни: *conceptus* ‘зачатый’ и последующими смыслами «зародыш», «источник знания о предмете» и пр. (Демьянков, 2007: 607). Сегодня философские, самые общие трактовки *concept* выражают, как пишется, например, в Стэнфордской энциклопедии философии, абстрактную идею, «кирпичик», или «строительный блок». Они лежат в основе принципов, мыслей и убеждений и играющие важную роль во всех аспектах познания¹.

¹ Concepts [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/concepts/> (дата обращения: 05.01.2023).

В таком широком смысле концепты изучаются в российской психологии, философии, и в междисциплинарном подходе, так называемой когнитивной науке, лингвокогнитивных исследованиях (Караулов, 1981; Карасик, 2002; Дербишева, 2019; Когнитивные исследования ... , 2009, 2019; и др.).

В целом, В. З. Демьянков, исследовав хождение «концепта» в русскоязычном дискурсе, отмечает:

«несмотря на то, что концепт и понятие долгое время (а многими и сегодня) считаются полными дублетами, с самого начала в русском языке у них была разная сочетаемость. Так, словосочетание *концепт о* (с предлогом *о*) по-русски никогда не употреблялось и не употребляется, чаще всего имеем оборот присоединительного типа: *концепт “справедливость”* или, реже, “концепт справедливости”. А словосочетания типа *понятие о математике, понятие о свете* и т. п. употреблялись в XIX в. значительно чаще, чем *понятие математики, понятие света* или *понятие “математика”* и *понятие “свет”*» (Демьянков, 2007: 617; курсив источника. — Ч. Л.).

Ныне же, как он считает, в русскоязычном поле *концепт* и *понятие* достаточно четко различаются и «разграничение проходит по следующей линии: понятия — то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности» (там же: 616). То есть понятия — договоренности, а концепты — реконструкции.

Академик Ю. С. Степанов, известный трудами о концептах и соответствующем словаре русской культуры (составленном как словарь концептов), также различал эти две категории: «Понятие “определяется”, концепт же “переживается”» (Степанов, 2007: 16). Сами же концепты он трактовал так: «...это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов, 2004: 43), это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (там же). В качестве примера «переживаемых» концептов он приводил праздники, которые переживаются, имеют историю, сопровождаются определенными традициями, ритуалами и имеют словесную форму (например, концепт «Восьмое марта» (там же: 46)).

Вал. А. Луков и Вл. А. Луков также подчеркивали различие между понятием и концептом:

«Понятия через обобщение вычлениют общие элементы объективного мира — предметы, свойства, отношения, в то время как в тезаурусе они, сохраняя свое общее свойство быть мыслью о предмете, выделяющей в нем существенные признаки, сверх этого приобретают оттенок, отражающий их значимость для субъекта и, таким образом, характеризующий их в ценностном аспекте. Вот почему имеет смысл для обозначения базовых элементов тезауруса использовать иной термин, каковым и является “концепт”» (Луков В., Луков Вл., 2008: 111).

Вопрос о реальности концептов культуры Ю. С. Степанов разъяснял фактом существования их для людей данной культуры, которые выражаются в трех аспектах концептов: 1) в основном признаке, актуальном, активном слое как словоформа, понятная для людей, которые говорят на языке культуры, 2) в дополнительных, пассивных признаках, которые актуальны для определенных слоев общества, в определенных ситуациях, в определенное время при совершении определенных действий, 3) во внутренней форме, в содержании, этимологии, которая раскрывается лишь исследователями (там же: 47–48). И поскольку, по мнению Ю. С. Степанова, концепт имеет «слоистое» строение и разные его слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох, то и метод изучения его может быть не одним, а совокупностью различных методов (там же: 49).

Сами же Вал. А. Луков и Вл. А. Луков, признавая трактовку Ю. С. Степанова, подчеркивали, что концепт выражает «в знаке сращение смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа» (Луков В., Луков Вл., 2008: 113). Концепты структурированы в культуре в соответствие со структурой организации тезауруса как субъектно выстроенного знания — полями смыслов: «Свое» — «Чужое» — «Чуждое» (см. подробнее об этом: Луков В., Луков Вл., 2008: 122–139; Тувинцы. Родные ... , 2022: 76–78).

Сохраняя свою приверженность данной концепции, мы развиваем эти идеи и продвигаемся дальше в нашей работе над концептами культуры, разъясняя наш методологический путь.

Итак, Вал. А. Луков и Вл. А. Луков, сформулировав важность исследования концепта, тем не менее обозначили сложности его понимания: «Как кентавр — не человек и конь, а кончеловек, так и концепт — не понятие и образ, а образопонятие, сплав, в котором граница не видна и не важна. Собственно, соединение в концепте образа и понятия позволяет ему встроиться как в интеллектуальную, так и в чувственную жизнь человека, в жизнь как целостность, без чего ориентация в социокультурном пространстве была бы невозможна» (Луков В., Луков Вл., 2008: 113).

Интересно то, что несмотря на два приведенных определения как Ю. С. Степанова, так и Луковых, построивших на них собственные реконструкции соответственно — русской и европейской культур, руководствоваться ими, надо признать, весьма сложно. Фразы «Как бы сгусток культуры в сознании человека» и «сращение смысла и чувственного восприятия» кажутся слишком абстрактными и трудно оперируемыми. То есть фактически это не строго рационализированные определения с выделением ключевого понятия и перечислением основных характеристик явления, это скорее образы. Но с другой стороны, в таком решении крупных, авторитетных ученых нам видится и своя логика. Концепты культуры действительно настолько сложны для рационального познания, также, как и сама культура, что отчасти именно образы, а не определения, способны передать эту сложность.

О том, что концепты культуры сложно определить так, как научные термины, писали и другие исследователи. Так, С. Е. Никитина, различая научные концепты от «культурных», т. е. самой культуры, писала, что «слова-концепты народной культуры, как и большинство “культурных слов”, вряд ли могут получить четкую дефиницию» (Никитина, 1991: 117). По результатам ее наблюдений, например, сами люди культуры могли трактовать концепты через метафоры или названием типичного действия (там же: 118).

С. А. Аскольдов-Алексеев, на мнение которого ссылается Д. С. Лихачев, называл концепт «мысленным образованием, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (цит. по: Лихачев, 1993: 149). Сам же Д. С. Лихачев, вводя термин «концептосфера», считал, что концепты «расширяют значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, “дофантазирования” и для эмоциональной ауры слова» (там же: 152). Собственно определение концептов Лихачева такое: это «некоторые подстановки значений, скрытые в тексте “заместители”, некие “потенции” значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом» (там же: 158).

Поэтому многозначность образов, а также и определенная недосказанность, дают возможность последователям данного направления сформулировать свой образ или понятие, предложить свои характеристики.

Как мы рассматриваем концепты? Как мы выстраиваем путь их реконструкции, анализа?

В нашем понимании концепты культуры являются важнейшими идеями культуры, имеющими богатство форм, в том числе словоформ, диалектически связываемыми с человеческой активностью (будучи их результатом и в свою очередь определяющие ее), а также с вещами, материальными объектами, которые воплощают в себе результаты осмысления человеком-создателем этих идей. Все эти аспекты концептов можно реконструировать в трех ипостасях, которые мы обозначим условно: «форма», «идея», «социальная регуляция».

Важным полем будет изучение концепта как формы. В первую очередь я говорю о языковом термине, позволяющим обозначить концепт, т. е. о концепте-словоформе. И считаю важным, чтобы концептуальность имела словоформу, образованную в результате работы системы мышления и вербализации в языке, по В. Гумбольдту (Гумбольдт, 1985). Немецкий ученый, один из основоположников лингвистики писал: «Человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что можно выразить в словах; но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его чем-то, и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки» (там же: 349). Тем самым Гумбольдт обосновал важность изучения языков народов мира как выразителей своеобразия разных культур.

В словаре Ю. С. Степанова концепты имеют названия, состоящие из одного слова («Мир», «Вера», «Место», «Время» и др.), из двух («Воображаемые миры» и др.), порой и целой фразы («Мир — Вселенная, Универсум»). Д. С. Лихачев также полагал, что в качестве концептов можно рассматривать целые фразеологизмы (Лихачев, 1997: 156). В нашем исследовании важнейшими концептами тувинской культуры, наиболее близкими человеку в его повседневной жизни, мы назвали следующие: *төрөл* 'родня, родственник, родственники', *өг* 'юрта, дом', *уруг-дарыг* 'дети, детвора', *куда* 'свадьба', *эрт* 'мясо' (Тувинцы. Родные ..., 2022: 86–218). Выделили мы их, опираясь и на список важнейших традиций тувинской культуры, которые сформулировал ее знаток М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 2017). Другим важным источником наших рассуждений о пути инкультурации человека в тувинской культуре и выделении концептов культуры стал наш собственный опыт, потому что все члены исследовательского коллектива являются этническими тувинцами, то есть инсайдерами культуры (Тувинцы. Родные ..., 2022: 29–45).

Именно изучение словоформ и стало основным исследовательским полем для филологов — лингвокультурологов. Здесь они имеют возможности для применения своих профессиональных навыков в исследовании этимологии слова, лексических значениях, синонимов, частотности употребления в разных текстовых корпусах (жанрах фольклора, словарях, литературе) и их вариантов трактовки в текстах. В нашем проекте это направление также имеется и выражается в изучении выделенных концептов тувинской этнической культуры в зафиксированных текстах. Например, выполнив лингвокультурологическое исследование, в текстах нескольких словарей и 10 художественных произведений тувинской литературы мы выявили 27 сочетаний со словом *төрөл* и провели классификацию словообразований (Кужугет и др., 2019; Тувинцы. Родные ... , 2022: 92–98). Это дало нам информацию о том богатом спектре родственных отношений у тувинцев, не только выражающем степени кровной близости, структуры не только нуклеарной, но и расширенной семей, а также то, как многообразна эта сторона жизни у тувинцев.

Другой концепт с лингвокультурологической точки зрения *чер* 'земля' раскрывает Н. Д. Сувандии в исследовании лексической вариативности ее в тувинском фольклоре (Сувандии, 2023).

Если слово *төрөл* мы рассматриваем как концепт культуры и говорим о важности темы родства, родственных отношений для тувинцев, то именно идея родства и составляет саму идею этого концепта. То есть концепт-форма выражает концепт-идею. И, поскольку сама идея может развиваться, то это делает не одну, а много словоформ, причем чрезвычайно вариативных. Например, мы обнаружили интересную словоформу *бурган төрөлдиг*. Она трактуется как «имеющий в качестве родственника бога» (когда о человеке хотят сказать, что он обладает даром ясновидения, например, см.: Кужугет и др., 2019: 154). Очевидно, что связывание человека с богом, подчеркивание особого вида связи и соответствующая фраза не восходят к традиционным тувинским трактовкам о человеке. Как и все всех тюркоязычных культур региона Саяно-Алтая человек у тувинцев отождествлялся с природой, поскольку традиционную картину мира пронизывали тотемизм, анимизм, шаманизм (Традиционное мировоззрение ... , 1989: 8–29). Само слово *бурган* в тувинском языке Б. И. Татаринцев называет вторичным заимствованием из монгольского языка, восходящим к древнеуйгурской буддийской терминологии (Татаринцев, 2000: 295). То есть выражение *бурган төрөлдиг* сформировалось в результате переноса древней идеи родства уже с культурной новацией после заимствования.

Так, *концепт как идея* рассматривается с точки зрения смыслового наполнения словоформы, поскольку субъект говорящий — это одновременно и субъект думающий. Само богатство языка определяется, как писал Д. С. Лихачев, «не только богатством “словарного запаса” и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой является язык человека и его нации» (Лихачев, 1997: 162).

Концептуальность здесь заключается не только в том, что мы обнаруживаем большое число вариаций этой словоформы (что выражает многообразие аспектов, которые люди культуры мыслят в связи с начальной словоформой). Речь идет о большой смысловой значимости концепта, которую исследователи часто называют ценностью культуры. В ходе реконструкции содержания концепта мы понимаем, что не просто говорим о смыслах, а воссоздаем целую систему социальных связей, отношений между людьми, ритуалов, обрядов, традиций, что объединяется в единое смысловое поле и может быть названо «культурой в культуре».

Например, я анализировала концепт *уруг-дарыг* не просто как название детей у тувинцев, не просто как отношение взрослых к детям, а как культуру детства у тувинцев (Ламажаа, 2021а). Тувинцы были (и до сих пор остаются в сельской местности) многодетными, детей растили всегда в любви, дети считались одним из главных богатств, тувинский фольклор чрезвычайно развит. Причем, надо сказать, что в целом я и мои коллеги пока охватили только одну сторону этой культуры, выстраиваемую с точки зрения взрослых. Но ведь есть еще и культура детства глазами детей.

В любом случае столь большая значимость концепта в культуре до сих пор поддерживает традиции многодетности тувинцев и определяет эту особенность демографических процессов в Республике Тыва. Но социокультурные трансформации в республике, прошедшие в XX — начале XXI вв., повлияли на «прочность» концепта. Если раньше родителей, традиции воспитания, заботы о детях контролировала родовая община, то в XX веке интеграция тувинской культуры с советской во многом определила изменения в культуре детства, изменения в системе родительских обязанностей. При том, что дети до сих пор считаются ценностью тувинской культуры, в повседневной жизни отношение

взрослых к детям стало разниться, причем порой радикально. В крайних проявлениях сегодня дело доходит до того, что маленькие дети гибнут от отсутствия должного ухода, от халатного отношения их родителей к своим обязанностям (там же: 66–68). Наше культурологическое исследование концепта *уруг-дарыг*, изменения его в системе всей культуры, включало исторические реконструкции, анализ этнографической литературы, опиралось на методы наблюдения, интервью и включало изучение социокультурных практик, социальных связей, социальных отношений, социальных процессов.

Приведенный пример показывает, что помимо задачи реконструкции концепта-идеи в определенном состоянии важно учитывать факт изменчивости и самой идеи, и ее поддержания в обществе. Именно поэтому столь важны исторические экскурсы, понимание особенностей культурогенеза, в том числе важен учет периодов социокультурной трансформации XX в., что часто упускают лингвокультурологи и филологи. В нашем проекте междисциплинарного изучения тувинской этнической культуры мы начинали свой анализ с выстраивания периодизации истории тувинской культуры, выделяя несколько периодов и отмечая их характерные особенности (Тувинцы. Родные ... , 2022: 11–18).

Особой ипостасью концепта можно назвать его символичность, то есть когда мы рассматриваем концепт-символ. С одной стороны, сами языковые термины, понятия — это символические значения. Этот символизм стал основой концепции семиосферы Ю. М. Лотмана (Лотман, 2000). Ее автор определил как «все присущее данной культуре семиотическое пространство», в которую входит и язык (там же: 251).

Но, с другой стороны, символизм имеет и внеязыковые формы. Так, мы видим предмет, объект материальной культуры, артефакт или даже жест, и понимаем, что он достаточно четко выражает идею определенного концепта. Мы это понимаем без слов.

Например, наш исследовательский коллектив собрал в 2022 г. огромное число примеров разной формы бытования сегодня юрты в тувинской социокультурной жизни, запечатлев это в фотографиях и фактически работая тем самым в области визуальной антропологии (Өвүс. Возвращение ... , 2022). Мы обнаружили, что современные тувинцы используют юрту как гостиницу, как ресторан, как хозяйственную постройку, как летний дом и пр. Также элементы и образы юрты были найдены на других предметах (в архитектуре, в дизайне, на картинах, на сувенирах, на логотипах, на обложках книг и пр.). Концепт *өг* 'юрта' понимается нами как одна из важнейших ценностей тувинской культуры. Словоформы с *өг* позволяют тувинцам говорить не только о доме-жилище, но и семейном-домашнем очаге, наличии семьи и пр. (Тувинцы. Родные ... , 2022: 119–120). Соответственно мы отмечаем стремление тувинцев сохранять ценность традиционного жилища, желание иметь его, окружать себя его элементами и образами. С одной стороны, это формы выражения концепта, но не словесные, не словоформы. С другой стороны, это объекты материальной культуры, в которых содержится сама идея, содержание концепта. Потому что именно в этом виде они и востребованы людьми. Никому из тувинцев по большому счету не надо объяснять зачем это надо, почему использована форма юрты или ее элементы. Собственно, сам этот процесс «возвращения юрты» в селах, городах — там, где казалось бы этот древний тип жилища уже не нужен, стихийный, никем не регулируемый, не организованный. Но достаточно масштабный, что и показывают более 200 фотографий, собранных нами в брошюре (Өвүс. Возвращение ... , 2022). Тувинцы сами с удовольствием окружают себя этими предметами, говоря об особой атмосфере «личного космоса», которая дает юрта (Тувинцы. Родные ... , 2022: 128–130). Все эти примеры, формы, сувениры, элементы юрты, которые мы наблюдаем в Туве — это символы концепта *өг*.

Причем символика не всегда может быть выражена, как мы уже упомянули, на материальных объектах. Мы можем говорить и о звуковой символике, символике движений и пр. Но в ракурсе нашего исследования мы не рассматриваем символы как важнейшие выразители культуры (как это делается в символической антропологии (К. Гирц, Д. Шнайдер, В. Тернер, М. Дуглас)). Для нас в первую очередь важно, как мы уже подчеркивали, опираясь на гумбольдтовскую позицию, чтобы концептуальность имела словоформу, образованную в результате работы системы мышления и вербализации в языке. Именно поэтому Ч. Х. Санчай проанализировала как концепт *торээн чер* 'родная земля, Родина' выражается в песенной культуре, в текстах песен, хотя безусловно сами тексты песен невозможно рассматривать в отрыве от музыкального сопровождения (Санчай, 2023).

Понимание *концепта* в аспекте *социальной регуляции* тесно связано с обсуждением функциональности лингвокультуры. Для филологов аксиомой является тот факт, что язык выполняет познаватель-

ную, назывную и коммуникативную функции. Однако, как еще ранее обосновал В. Гумбольдт, человек в своей деятельности нуждается в соблюдении последовательности и единства своих мыслей и действий. Он должен искать конечную цель, единый и абсолютный масштаб, который должен находиться «в родстве с его внутренней природой» (там же: 337), который ученый назвал «духом человечества», а его выразителем — язык. Поэтому концепты культуры, по нашему мнению, в которых заложены важные для культуры идеи, можно рассматривать как ориентирующие и мотивирующие цели, а если шире — как социальные регуляторы деятельности. Отношения и связи между людьми, их деятельность не просто укладываются в определенную систему, культуру в культуре, но и регулируются определенными смыслами.

Так, например, концепт *төрел* ‘родня, родственник, родственники’ не просто соотносит людей по отношению друг к другу как людей, имеющих определенные узы родства. «Действие» концепта, его нормативность заключается в соответствующих действиях людей, в содержании их намерений, в поведении. Тувинцы, признающие друг друга *төрел*, связаны и традиционными обязательствами помогать друг другу, поддерживать связи, поддерживать дух родства посредством совершения определенных обрядов, в частности обряда *дагылга* (Дагылга: тувинские ... , 2021). И они подчиняются этим нормам, выполняют их. Или не выполняют, но подвергаются осуждению извне и испытывают угрызения совести, чувство дискомфорта.

Другой пример. Концепт *э́т* ‘мясо’ (или *хой э́ди* ‘баранина’) был рассмотрен нами с точки зрения и отношения тувинцев к мясу, и идентификации себя «по мясу» («настоящий тувинец ест мясо»), и в связи с практиками получения и употребления мяса (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022). Специально для анализа этих вопросов мы опирались на разработки *food studies* — антропологии питания, в которой обсуждаются и идеи связи идентичности с питанием, и идеи удобства получения продуктов питания (практик добывания пропитания), и идеи ответственности людей за тем, что они едят, как потребляют и что оставляют после себя.

При этом, когда мы говорим о поле социальной регуляции концепта, мы подразумеваем человеческую активность, но не всю (не вся деятельность, не все поведение относятся к культуре), а именно ту, которая разворачивается в соотношении с действиями других людей и содержит культурные смыслы. Таким образом различал отдельные действия человека от социальных действий М. Вебер, который писал: «“социальным” же действом¹ будет называться такое, которое по своему смыслу, предполагаемому действующим или действующими, соотносено с поведением других и ориентировано на него в своем протекании» (Вебер, 2008: 90). Причем, М. Вебер подчеркивал, что граница между двумя видами действий чрезвычайно подвижна и значительная часть того, что может интересовать социологов, находится в пограничной области (там же).

В качестве примера такой подвижности и пограничности между «простой» деятельностью человека и деятельностью с культурным смыслом мы можем упомянуть традицию коллективного забоя и поедания свежего мяса барана родственниками у тувинцев, которая носит название *изиг-ханнар*, т. е. поедание горячей кровяной колбасы, подготовленной сразу после забоя и сваренной на месте (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022). Данная традиция, совместная деятельность группы людей сложилась на основе ценности концепта *э́т* ‘мясо’ для тувинцев, кочевников-мясоедов. Само по себе поедание мяса — обычный ряд действий для насыщения человека, для удовлетворения им физиологической необходимости (что относится к физиологии и психологии). И к культуре это не имеет отношение, если мы говорим лишь об удовлетворении данной базовой потребности. Даже питание двух человек вместе, одной нуклеарной семьи может рассматриваться как организация питания людей, находящихся в одном месте, имеющих одно жилье, одно место приготовления пищи, общую посуду. Но как только мы в действиях людей усматриваем культурную составляющую, например, тувинскую, то отмечаем, что нормальной практикой для тувинцев считается совместное забивание скота для получения свежего мяса и его употребления с родственниками. Нормой является то, что даже один тувинец стремится запастись мясом, потому что это традиционный вид питания тувинцев. И он может употреблять его, соблюдая некие общие правила, которые он усвоил от родителей. Например, вырезать и поставить

¹ В переводе А. Ф. Филиппова слово *das handeln* из оригинального труда М. Вебера приводится не как «действие», что распространено в русскоязычной литературе, а как «действие» (как процесс), т. к., по мнению переводчика, оно «почти никогда не означает у Вебера конкретного, однократного действия, поступка, акта» (Филиппов, 2008: 87).

на почетное место первые кусочки мяса, жира, определенным образом грызть кость и пр. Но уже не нормальным может рассматриваться желание одной семьи (двух-трех человек) забить барана, не позвав родственников на *изиг-хан*. Ненормальным для тувинцев считается вообще не есть мяса. Поэтому наши поиски среди тувинцев вегетарианцев сопровождались достаточно бурными обсуждениями и встречали искреннее удивление земляков («Разве такие бывают?»). Тем не менее мы нашли пару человек, истории которых приводим как жизни почти маргиналов в родной социокультурной среде (Тувинцы. Родные ... , 2022: 215–216).

Сами социокультурные практики, особенности их исполнения, а также масштабы распространения — это поле работы антропологов, этнографов, социологов. В нашей работе применялись методы наблюдения, автоэтнографии, интервью, социологических опросов.

Тем самым рассмотрение культуры сквозь призму *концептов культуры*, на наш взгляд, позволяет анализировать сразу несколько аспектов культуры, объединяясь в работе специалистов разного профиля, в нашем случае: лингвистов (Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет), литературоведов (Ш. Ю. Кужугет), культурологов (Ч. К. Ламажаа, Ш. Б. Майны, Ч. Х. Санчай), социального философа (Ч. К. Ламажаа), искусствоведа (Ч. Х. Санчай), религиоведов (У. П. Бичелдей, А. В. Монгуш).

Заключение

Таким образом, мы пришли к формулировке и уточнению методологических оснований нашего исследования этнической культуры в рамках тезаурусной концепции, концепции субъектного гуманитарного знания. Подчеркну, что несмотря на уже активное использование российскими учеными понятия «концепт», в частности «концепт культуры», в исследованиях отмечается лингвокультурологический «перекос». Он имеет свои недостатки, связанные с филологической специализацией большинства исследований данной отрасли. Если же ставится целью исследовать культуру в ее объемной целостности, то необходимо проведение междисциплинарного исследования, в сотрудничестве специалистов в разных областях (филологии, культурологии, антропологии, истории, социологии, искусствоведения и пр.). Еще одним фактором актуальности такой работы является почти полное отсутствие подобных программ исследований этнических культур в российской науке.

Главным методологическим инструментом для изучения тезауруса культуры, по моему мнению, может выступать понятие концепта с тремя, порой сложноразличимыми друг от друга ипостасями: *концепты-формы, концепты-идеи, концепты-социальные регуляторы*. Данная теоретическая схема нами сформулирована в ходе междисциплинарного изучения тувинской этнической культуры и позволяет говорить о том, что мы наметили путь *концептуализации этнокультуры*. И, мы полагаем, постижение культуры путем реконструкции трех аспектов концептов и дает возможность обсуждать не только сферу языка, но и ее взаимосвязь со сферой идей, а также социокультурными практиками, присущими данной культуре.

Благодарности

Сердечно благодарю моих коллег Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны, Ч. Х. Санчай, А. В. Монгуш, У. П. Бичелдей за замечательные два года (2021-2022 гг.) работы в лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ; руководство ТувГУ, в частности Е. Д. Монгуша — за поддержку нашего проекта. Спасибо за ценные замечания, вопросы, комментарии и советы рецензентов статьи, которые позволили уточнить ряд формулировок, мою и нашу позицию в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аблажей, А. М. (2022) Место и роль науки в местных сообществах тюркских республик Сибири // *Turkic Studies Journal*. Т. 4. № 3. С. 7–16.
- Алефиренко, Н. Ф. (2016) *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*. М. : Флинта. 288 с.
- Арутюнова, Н. Д. (1999) *Язык и мир человека*. М. : Языки русской культуры. 986 с.
- Баранов, Д. А. (2021) Локальное знание и «другие антропологии» // *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 84–112. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150017416-7>

- Вебер, М. (2008) Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 89–127.
- Вежбицкая, А. (2011) Семантические универсалии и базисные концепты. М. : Языки славянских культур. 568 с.
- Воробьев, В. В. (2006) Лингвокультурология. М. : РУДН. 330 с.
- Горлова, И. И., Бычкова, О. И., Костина, Н. А., Саркисова, Е. А. (2022) Методологические основания исследования понятия «региональная культура» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. № 3. С. 11–15.
- Гумбольдт, В. (1985) Язык и философия культуры : пер. с нем. яз. М. : Прогресс. 450 с.
- Гуревич, А. Я. (1972) Категории средневековой культуры. М. : Искусство. 318 с.
- Гуревич, А. Я. (1984) Категории средневековой культуры. 2-е изд. М. : Искусство. 349 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Демьянков, В. З. (2007) Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. М. : Издательский центр «Азбуковник». 734 с. С. 606–622.
- Дербишева, З. К. (2019) Основы лингвокогнитивного сравнения языков. М. : ФЛИНТА. 335 с.
- Есенова, Т. С. (2012) Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста : Калмыцкий госуниверситет. 160 с.
- Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири (2021) / под ред. Н. Б. Кошкаревой, Е. В. Тунтешева. Новосибирск : Академиздат. 300 с.
- Кабичкий, М. Е., Рудник, С. М. (2020) «Каталонские страны»: концепт и его восприятие // Этнография. № 4. С. 159–173. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-4\(10\)-159-173](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-4(10)-159-173)
- Карасик, В. И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Караулов, Ю. Н. (1981) Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Наука. 366 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2017) Тыва чаңчыл [Тувинские традиции]: в 2 ч. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. Ч. 1 и 2. 360 с. (На тув. яз.).
- Когнитивные исследования языка. (2009). Вып. IV. Концептуализация мира в языке / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 460 с.
- Когнитивные исследования языка (2019). Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / отв. ред. Т. В. Романова. Нижний Новгород : Издательство ДЕКОМ. 1144 с.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Ламажаа, Ч. К. (2020) Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля // Новые исследования Тувы. № 4. С. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13, № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) *Хой эди* для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)
- Лингвокультурный концепт: типология и области бытования (2007) / под общ. ред. С. Г. Воркачева. Волгоград : ВолГУ. 400 с.
- Лихачев, Д. С. (1993) Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52, № 1. С. 3–9.
- Логический анализ языка. Культурные концепты (1991) / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 204 с.
- Лотман, Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб. : Искусство—СПБ. 704 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса. 784 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

- Лучинина, Е. Н. (2004) Лингвокультурология в системе гуманитарного знания // Критика и семиотика. Вып. 7. С. 238–243.
- Майны, Ш. Б., Ламажаа, Ч. К. (2022) Тувинская традиция передачи старых детских вещей эргинди // *Oriental Studies*. Т. 15. № 5. С. 1050–1063. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063>
- Маслова, В. А. (2001) Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Издательский центр «Академия». 208 с.
- Морозов, И. А., Ткачук, Л. А. (2019) «Правила смерти»: концепты «неправильный мертвец» и «неправильное погребение» в инструментарии социальных и политических технологий // *Этнографическое обозрение*. № 1. С. 11–26. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150004177-4>
- Никитина, С. Е. (1991) О концептуальном анализе в народной культуре // *Логический анализ языка. Культурные концепты* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 204 с. С. 117–123.
- Өвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 85 с.
- Павлова, А. В. (2015) Лингвокультурология в России: «за» и «против» // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. Т. 6, № 2. С. 201–221.
- Перевозникова, А. К. (2019) Концепт «родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира // *Концепт: философия, религия, культура*. № 1 (9). С. 54–61. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61>
- Резник, Ю. М. (2012) Специфика антропологического подхода к изучению общества и культуры // *Социокультурная антропология : История, теория и методология. Энциклопедический словарь* / под ред. Ю. М. Резника. М. : Академический проект ; Культура; Киров : Константа. 1000 с. С. 5–10.
- Санчай Ч. Х. Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // *Новые исследования Тувы*. 2023, № 1. С. 80–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>
- Содномпилова, М. М. (2007) Концепт *родина* в культуре монгольских народов // *Этнографическое обозрение*. № 3. С. 124–134.
- Социокультурная антропология : История, теория и методология (2012). Энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М. : Академический проект ; Культура; Киров : Константа. 1000 с.
- Степанов, Ю. С. (2004) Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект. 3-е изд. 992 с.
- Степанов, Ю. С. (2007) Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянской культуры. 246 с.
- Степин, В. С. (2011) Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП. 408 с.
- Сувандии, Н. Д. (2023) *Чер* 'земля' в паремиях тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. 1. 339 с.
- Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры. 284 с.
- Тишков, В. А. (2020) Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // *Этнографическое обозрение*. № 2. С. 72–137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество (1989) / [Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова], отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 243 с.
- Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.
- Уваров, М. С. (2011) Культурная география в культурологической перспективе (аналитический обзор) // *Международный журнал исследований культуры*. № 4 (5). С. 6–18.
- Филиппов, А. Ф. (2008) Предисловие переводчика // *Социологическое обозрение*. Т. 7, № 2. С. 86–88.
- Филиппов, Ю. В. (2018) Лингвокультурология как культурологическая дисциплина // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. № 8 (41). С. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-8-8-24>
- Kiklewicz, A., Wilczewski, M. (2011) Współczesna lingwistyka kulturowa: zagadnienia dyskusyjne (na marginesie monografii Jerzego Bartmińskiego *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*) // *Bulletin de la société Polonaise de Linguistique*. Fasc. LXVII. P. 165–178.
- Kroeber, A. L., Kluckhohn, C. (1952) *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge, Massachusetts : Peabody Museum Press. viii, 223 p.
- White, L. A. (1959) The Concept of Culture // *American Anthropologist*. New Series, Vol. 61, № 2 (Apr.). P. 227–251.
- Wierzbicka, A. (1996) *Semantics: Primes and universals*. Oxford : Oxford University Press. xii, 500 p.
- Herskovits, M. J. (1948) *Man and Works. The Science of Cultural Anthropology*. New York, Published by Alfred A. Knopf. 678 p.

Herskovits, M. J. (1972) *Cultural Relativism: Perspectives in Cultural Pluralism*. New York : Random House. xxvi, 293 p.

Whiten, A. (2021) The burgeoning reach of animal culture // *Science*. Vol. 372, Issue 6537. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.abe6514>

Дата поступления: 20.01.2023 г.

Дата принятия: 10.02.2023 г.

REFERENCES

Ablazhei, A. M. (2022) Mesto i rol' nauki v mestnykh soobshchestvakh tiurkskikh respublik Sibiri [Place and role of science in local communities of the Turkic Siberian republics]. *Turkic Studies Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 7–16. (In Russ.).

Alefrenko, N. F. (2016) *Lingvokul'turologiia: tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka [Linguoculturology: The value and semantic space of language]*. Moscow, Flinta. 288 p. (In Russ.).

Arutiunova N. D. (1999) *Iazyk i mir cheloveka [Language and the human world]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. XV, 896 p. (In Russ.).

Baranov, D. A. (2021) Lokal'noe znanie i «drugie antropologii» [Local knowledge and “other anthropologies”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 84–112. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150017416-7>

Weber, M. (2008) Osnovnye sotsiologicheskie poniatia [Basic concepts in sociology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 2, pp. 89–127. (In Russ.).

Wierzbicka, A. (2011) *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty [Semantic universals and basic concepts]*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. 568 p. (In Russ.).

Vorobiev, V. V. (2006) *Lingvokul'turologiia [Linguoculturology]*. Moscow, RUDN University. 330 p. (In Russ.).

Gorlova, I. I., Bychkova, O. I., Kostina, N. A. and Sarkisova, E. A. (2022) Metodologicheskie osnovaniia issledovaniia poniatia «regional'naia kul'tura» [Methodological bases for studying the concept of “regional culture”]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, no. 3, pp. 11–15. (In Russ.).

Humboldt von, W. (1985) *Iazyk i filosofii kul'tury [Language and philosophy of culture]* / transl. from Germ. Moscow, Progress. 450 p. (In Russ.).

Gurevich, A. Ya. (1972) *Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture]*. Moscow, Iskusstvo. 318 p. (In Russ.).

Gurevich, A. Ya. (1984) *Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture]*. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo. 349 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Demiankov, V. Z. (2007) Termin «kontsept» kak element terminologicheskoi kul'tury [The term “concept” as an element of terminological culture]. In: *Iazyk kak materiia smysla [Language as the matter of meaning]* : A collection of articles dedicated to the 90th anniversary of academician N. Y. Shvedova / ed. by M. V. Liapon. Moscow, Publishing center “Azbukovnik”. 734 p. Pp. 606–622. (In Russ.).

Derbisheva, Z. K. (2019) *Osnovy lingvokognitivnogo sravneniia iazykov [Fundamentals of linguocognitive comparison of languages]*. Moscow, Flinta. 335 p. (In Russ.).

Esenova, T. S. (2012) *Ocherki po lingvokul'ture kalmykov [Essays on the linguistic culture of the Kalmyks]*. Elista, Kalmyk State University. 160 p. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyi mir cheloveka cherez prizmu iazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia] (2021) / ed. by N. B. Koshkareva and E. V. Tiunteshev. Novosibirsk, Akademizdat. 300 p. (In Russ.).

Kabitskiy, M. E. and Rudnik, S. M. (2020) «Katalonskie strany»: kontsept i ego vospriiatie [“Catalan countries”: The concept and its perception]. *Etnografiia*, no. 4, pp. 159–173. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-4\(10\)-159-173](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-4(10)-159-173)

Karasik, V. I. (2002) *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: Personality, concepts, discourse]*. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (1981) *Lingvisticheskoe konstruirovaniie i tezaurus literaturnogo iazyka [Linguistic construction and thesaurus of the literary language]*. Moscow, Nauka. 366 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2017) *Tyva changchyl [Tuvan traditions]* : in 2 parts. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 360 p. (In Tuv.).

Kognitivnye issledovaniia iazyka [Cognitive language studies]. (2009). Issue IV: Kontseptualizatsiia mira v iazyke [Conceptualization of the world in language] / ed-in-chief E. S. Kubriakova, ed. by N. N. Boldyrev. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences ; Tambov, Publishing House of G. R. Derzhavin TSU. 460 p. (In Russ.).

Kognitivnye issledovaniia iazyka [Cognitive language studies]. (2019) Issue XXXVII: Integrativnye protsessy v kognitivnoi lingvistike: materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoi lingvistike. 16–18 maia 2019 g. [Integrative processes in cognitive linguistics: Proceedings of the International Congress on Cognitive Linguistics. May 16–18, 2019] / ed. by T. V. Romanov. Nizhniy Novgorod, DEKOM. 1144 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept *törel* ‘rodstvennik’ v iazykovoi kartine mira tuvintsev [The concept of *törel* (‘relative’) in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Lamazhaa, Ch. K. (2020) Edinstvo i svoeobrazie sovremennykh etnicheskikh kul’tur narodov Tsentral’noi Azii: tri issledovatel’skikh problemnykh polia [Unity and uniqueness of contemporary ethnic cultures of Central Asia: Three research problem fields]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 201–216. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul’turnykh transformatsiia [Tuvans’ views on children: Changes of the attitudes in socio-cultural transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religii i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people’s identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Svadebnaia obriadnost’ tuvintsev: ot ustanovleniia semeinykh sviazei do sotsial’noi prezentatsii [Tuvan wedding rites: From establishment of family ties to social presentation]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) *Khoi e”di* dlia tuvintsev. Identichnost’, udobstvo, otvetstvennost’ [Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility]. *Etnografiia*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Lingvokul’turnyi kontsept: tipologii i oblasti bytovaniia [Linguocultural concept: Typology and areas of existence] (2007) / ed. by S. G. Vorkachev. Volgograd, Volgograd State University. 400 p. (In Russ.).

Likhachev, D. S. (1993) Kontseptosfera russkogo iazyka [The conceptsphere of the Russian language]. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 52, no. 1, pp. 3–9. (In Russ.).

Logicheskii analiz iazyka. Kul’turnye kontsepty [Logical analysis of the language. Cultural concepts] (1991) / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Nauka. 204 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000) *Semiosfera [Semiosphere]*. St. Petersburg, Iskusstvo—SPB. 704 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: Sub”ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyi podkhod k ponimaniiu cheloveka i ego mira [Thesauri II: The thesaurus approach to the conceptualization of the person and his/her world]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 640 p. (In Russ.).

Luchinina, E. N. (2004) Lingvokul’turologiia v sisteme gumanitarnogo znaniia [Linguoculturology in the system of humanities knowledge]. *Kritika i semiotika*, issue 7, pp. 238–243. (In Russ.).

Mainy, Sh. B. and Lamazhaa, Ch. K. (2022) Tuvinskaia traditsiia peredachi starykh detskikh veshchei ergindi [Ergindi: Tuvan tradition of sharing children’s clothing and things reviewed]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 5, pp. 1050–1063. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063>

Maslova, V. A. (2001) *Lingvokul’turologiia [Linguoculturology]*: A textbook. Moscow, Publishing Center “Academy”. 208 p. (In Russ.).

Morozov, I. A. and Tkachuk, L. A. (2019) «Pravila smerti»: kontsepty «nepravil’nyi mertvets» i «nepravil’noe pogrebenie» v instrumentarii sotsial’nykh i politicheskikh tekhnologii [“The rules of death”: Concepts of “improper dead man” and “improper burial” in the toolkit of social and political technologies]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 11–26. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150004177-4>

Nikitina, S. E. (1991) O kontseptual’nom analize v narodnoi kul’ture [On conceptual analysis in people’s culture]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul’turnye kontsepty [Logical analysis of the language. Cultural concepts]* / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Nauka. 204 p. Pp. 117–123. (In Russ.).

Öövüs. *Vozvrashchenie tuvinskoi iurty [Our yurt. Return of the Tuvan yurt]* (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ. and Tuv.).

Pavlova, A. V. (2015) Lingvokul’turologiia v Rossii: «za» i «protiv» [Linguoculturology in Russia: Pros and cons]. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, vol. 6, no. 2, pp. 201–221. (In Russ.).

Perevoznikova, A. K. (2019) Kontsept «rodina» kak sostavliaiushchaia natsional’nogo obraza Rossii v russkoi kartine mira [The “Rodina” concept as a component of the national image of Russia in the Russian language picture of the world]. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, no. 1 (9), pp. 54–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61>

Reznik, Yu. M. (2012) Spetsifika antropologicheskogo podkhoda k izucheniiu obshchestva i kul'tury [The specifics of the anthropological approach to the study of society and culture]. In: *Sotsiokul'turnaia antropologiya: istoriia, teoriia i metodologiya : Entsiklopedicheskii slovar' [Sociocultural anthropology: History, theory and methodology : An encyclopedic dictionary]* / ed. by Yu. M. Reznik. Moscow, Akademicheskii proekt ; Kul'tura ; Kirov, Konstanta. 1000 p. Pp. 5–10. (In Russ.).

Sanchay, Ch. Kh. (2023) Obrazy rodnoi zemli v muzykal'no-pesennoi kul'ture tuvintsev [Images of the native land in the musical and song culture of the Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Sodnompilova, M. M. (2007) Kontsept rodina v kul'ture mongol'skikh narodov [The concept of motherland in the culture of Mongolian peoples]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 124–134. (In Russ.).

Sotsiokul'turnaia anthropological: istoriia, teoriia i metodologiya : Entsiklopedicheskii slovar' [Sociocultural anthropology: History, theory and methodology : An encyclopedic dictionary] (2012) / ed. by Yu. M. Reznik. Moscow, Akademicheskii proekt; Kul'tura; Kirov, Konstanta. 1000 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury [Constants. Dictionary of Russian culture]*. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2007) *Kontsepty. Tonkaia plenka tsivilizatsii [Concepts. The thin layer of civilization]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 246 p. (In Russ.).

Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiia i kul'tura [Civilization and culture]*. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences. 408 p. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'zemlia' v paremiiakh tuvintsev [Cher 'earth' in Tuvan paroemias]*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 339 p. (In Russ.).

Teliia, V. N. (1996) *Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. 284 p. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2020) Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologiya: personal'nyi vzgliad v global'noi perspektive [From where is Russian ethnology and where is it going? A personal view in global perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 72–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obshchestvo [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Person. Society] (1989) / E. L. Lvova, I. V. Oktiabrskaya, A. M. Sagalaev and M. S. Usmanova ; ed. by I. N. Gemuev. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 243 p. (In Russ.).

Tuvinty. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Uvarov, M. S. (2011) Kul'turnaia geografiia v kul'turologicheskoi perspektive (analiticheskii obzor) [Cultural geography in a cultural perspective (An analytical review)]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury*, no. 4 (5), pp. 6–18. (In Russ.).

Filippov, A. F. (2008) Predislovie perevodchika [Translator's preface]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 2, pp. 86–88. (In Russ.).

Filippov, Yu. V. (2018) Lingvokul'turologiya kak kul'turologicheskaya distsiplina [Linguistic culturology as a culturology]. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*, no. 8 (41), pp. 8–24. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-8-8-24>

Kiklewicz, A. and Wilczewski, M. (2011) Współczesna lingwistyka kulturowa: zagadnienia dyskusyjne (na marginesie monografii Jerzego Bartmińskiego "Aspects of Cognitive Ethnolinguistics"). *Bulletin de la société Polonaise de Linguistique*, vol. LXVII, pp. 165–178.

Kroeber, A. L. and Kluckhohn, S. (1952) *Culture: A critical review of concepts and definitions*. Cambridge, MA, Peabody Museum Press. viii, 223 p.

White, L. A. (1959) The concept of culture. *American Anthropologist. New Series*, vol. 61, no. 2, pp. 227–251.

Wierzbicka, A. (1996) *Semantics: Primes and universals*. Oxford, Oxford University Press. xii, 500 p.

Herskovits, M. J. (1948) *Man and works. The science of cultural anthropology*. New York, Published by Alfred A. Knopf. xviii, 678 p.

Herskovits, M. J. (1972) *Cultural relativism: Perspectives in cultural pluralism*. New York, Random House. xxvi, 293 p.

Whiten, A. (2021) The burgeoning reach of animal culture. *Science*, vol. 372, issue 6537. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.abe6514>

Submission date: 20.01.2023.

Acceptance date: 10.02.2023.